

**КАК
ПУТИНУ
ОБУСТРОИТЬ
РОССИЮ**

**АНДРЕЙ
ПАРШЕВ**

**КАК РОССИИ
ОБОГНАТЬ
АМЕРИКУ**

Андрей Петрович Паршев

Как России обогнать Америку

Серия «Как Путину обустроить Россию»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056859

Как России обогнать Америку / Андрей Паршев.: Алгоритм; Москва;

2013

ISBN 978-5-4438-0268-8

Аннотация

Андрей Петрович Паршев – современный российский публицист, автор бестселлера «Почему Россия не Америка» и еще более десятка книг, получивших широкое читательское признание. В книге, представленной вашему вниманию, А.П. Паршев утверждает, что при правильной политике Россия может обогнать Америку по всем показателям. Времена меняются, пишет автор, и нужно понимать, что деятельность ради одного подорожания нефти уходит в прошлое. Нефтеэкспортеры должны выработать свой взгляд на будущее, грамотно инвестировать, а не тратить временно перехваченную у Запада сверхприбыль. Как этого добиться, каким должен быть проект ускоренного развития России – автор подробно рассказывает об этом на страницах своей книги.

Содержание

Корень проблем начала третьего тысячелетия	4
«Нефтяной Интернационал»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Паршев Как России обогнать Америку

Корень проблем начала третьего тысячелетия

В энергетике есть проблема, которая не может не отразиться на развитии экономики и, соответственно, политики. Она одновременно и проста, и очень непроста, попробуем ее рассмотреть.

Стоит ли тянуть кота за хвост? И ходить вокруг да около? Нефть – вот корень проблем начала третьего тысячелетия. Все дело в этой горючей маслянистой жидкости. Обычно черной, хотя бывает нефть и красноватой, и почти прозрачной, похожей на солянку.

О, это очень непростое вещество! И не только в ее составе дело!

Нефть – казалось бы, просто один из видов минерального сырья. Я даже не знаю, сколько видов сырья добывается сейчас – но точно не одна тысяча.

Но только нефть в последние десятки лет дорожала, и в

текущих ценах, и даже абсолютно – после пересчета цен с учетом инфляции. А практически все остальные виды минерального, да и сельскохозяйственного сырья только дешевели.

Есть такой «железный закон» – на экспорте сырья не разбогатеешь. Из-за этого закона когда-то, в 60–70-е годы XIX века пострадала Россия, в XX – Аргентина. На рубеже XIX–XX веков она входила в мировую десятку (тогда стран в мире, правда, было поменьше), продавала броненосные крейсера и России и Японии, но ее зерно и тушенка последний раз остро понадобились только во Вторую мировую.

Прибыль получает потребитель сырья, а не производитель. Отдельные личности могут, конечно, составить себе состояние, но страна в целом – нет. Чем сильнее страна втягивается в «сырьевую ловушку» – тем дальше она отстает.

А вот нефть – другое дело. Есть целые страны, которые разбогатели и стали значимы в мире только благодаря нефти.

Я не сильно преувеличу, если скажу: нефтяной вопрос в мировой политике – это как тема секса в обычном обществе. Если о нем не говорят, то думают, даже когда занимаются чем-то другим.

А фабула нефтяного вопроса, если не вдаваться в подробности, крайне проста. В год добывается 3 млрд. т нефти, две трети которой потребляется развитыми странами Запада и Японией. В мире разведано 140 млрд. т нефти, причем более половины принадлежит пяти странам Персидского зали-

ва. И Запад занят главным образом тем, чтобы поделить эту нефть и обеспечить беспрепятственный доступ к ней на ближайшие 40–50 лет.

Такое вот мнение. Давайте теперь немного вдадимся в подробности, и вы сами решите, важна ли эта проблема и влияет ли она хоть в какой-то степени на краткосрочную и долгосрочную мировую политику.

Для начала обозначим масштаб и точки отсчета. К сожалению, благодаря англичанам и американцам в мире до сих пор используется система мер и весов, восходящая к динозаврам, нелогичная и малоприспособленная к десятичной системе исчисления. Поэтому в современной мировой литературе и практике для измерения количества нефти, в частности, ее запасов, используется «нефтяной баррель» – объемная единица, равная 158,98 л. В отечественных же публикациях принята весовая система мер, в основе которой лежит метрическая тонна.

Если кто-то забыл: метр появился в результате Французской революции. Это не волюнтаристское решение какого-нибудь захудалого короля, установившего расстояние от своего царственного носа до не менее царственного кончика указательного пальца в качестве единицы длины, а американцы до сих пор ею пользуются. Французские ученые предложили гораздо более логичную метрическую систему, как известно, базирующуюся на стабильных физических свойствах земного шара и воды. Создали систему мер так: взяли

расстояние от экватора до полюса и разделили на 10 миллионов частей, получился метр. Тысяча метров – километр, одна сотая метра – сантиметр. В кубический сосуд со стороной в один сантиметр налили воду – получился ровно грамм. Тысяча граммов – килограмм. Тысячу килограммов нужно бы называть «мегаграмм» (миллион граммов), но так не принято. Принято называть вес тысячи килограммов тонной (вообще-то слово «тонна» обозначает просто «бочка», поэтому в некоторых устаревших системах мер есть свои «тонны», неметрические). Большинство дробных или более крупных единиц получаются из базовых умножением на 10 в разных степенях. Очень разумно. Только с градусными мерами и временем не получилось – они остались нам от шумеров и античных цивилизаций, а там они родились из некоторых астрономических соображений и практических нужд. Дело, видимо, в том, что, если поставить рядом Солнце и Луну, то они укладываются такой парочкой на небесном экваторе ровно 360 раз. Отсюда и градусы. А у греков и римлян было принято менять стражу по 12 раз за ночь, так же и днем. Отсюда, видимо, произошли часы.

Итак, кубический метр воды имеет массу в тысячу килограммов, или весит одну тонну. Нефть легче воды, а различные сорта нефтяных смесей имеют различные вес и стоимость, в частности, российская нефть марки «Urals» ценится на несколько долларов за баррель дешевле, чем базовая в европейской торговле марка «Brent», хотя по весу в бар-

реле «Urals» нефти больше, чем в барреле «Brent». Просто в нефти самое ценное – легкие фракции, из них получается бензин, поэтому чем нефть легче, тем дороже.

Нефть (в среднем) имеет удельный вес 0,88 т на кубометр (бензин – 0,7, керосин уже 0,82, а мазут почти 0,9), соответственно баррель нефти весит около 136 кг, а тонна нефти занимает объем в 1,14 кубометра.

В западных оценках мировых и страновых ресурсов применяется величина гигабаррель (Gb), то есть миллиард баррелей – это около 140 миллионов тонн. Для облегчения задачи условимся, что тонна примерно соответствует 7 баррелям нефти, и далее будем стараться использовать только метрическую систему.

В теплотехнических и экономических расчетах, конечно, нужна большая точность, но для нас и 10–20 % особенного значения не имеют: ведь мы не сделки заключаем, а говорим о запасах недр, да еще зачастую и прогнозируемых, то есть «курочка-то еще в гнезде...».

Всего подтвержденные (или доказанные) запасы нефти в мире составляют не более 145 млрд. тонн. Это количество динамически меняется – вычитается добыча и добавляются полностью разведанные и оцененные месторождения. Так, иногда приводится цифра 140 млрд. тонн. В различных источниках цифра также может отличаться – но не сильно, именно в этом диапазоне.

Великие нефтяные державы – те, чьи нефтяные запасы из-

меряются в миллиардах тонн, а добывают сотнями миллионов. Их на карте мира всего десятка два. По иронии судьбы, классические (в общеполитическом смысле) великие державы (Россия, США и Китай) считаются и великими нефтяниками, кроме «прекрасной Франции». Англия – великая отчасти, она добывает более 100 млн. т, а вот запасов-то у нее... не очень.

Но более 90 % запасов, тем не менее, находятся на территориях «развивающихся» стран.

Не во всех странах подтвержденные запасы остаются на прежнем уровне, в большинстве они снижаются. Это относится и к России, где в 90-е гг. геологоразведка была в значительной мере прекращена. С той же проблемой сталкиваются и другие страны, по различным причинам: например, в США территория геологически хорошо изучена; новых крупных месторождений ждать уже не приходится, а добыча не снижается.

Считается, что всего на Земле осталось около 350 млрд. т нефти (вместе с доказанными запасами), пригодных для добычи при современном уровне технологии, и еще около 100 млрд. т., находящихся в совсем неудобных местах, в сложных геологических и географических условиях – под морским дном на глубинах более 500 м и так далее. Кстати, само существование этих запасов и их принципиальная доступность никем не гарантированы. Такие оценки относятся к разряду «спекулятивных», то есть в значительной сте-

пени умозрительных (в науке слово «спекулятивный» – посмотрите в словаре – носит менее негативную окраску, чем в обычной речи, но все-таки негативную). К тому же это максимальная оценка.

За всю историю человечества добыто и израсходовано около 100 млрд. т нефти, и большая часть – в последние десятилетия. Добыча постоянно растет и в последние годы, как уже говорилось, составляет около 3 млрд. т ежегодно.

Львиная доля из этого достается США – около 1 млрд. т., остальное делится примерно поровну между другими странами «золотого миллиарда» и остальным миром. Потребление, отчасти из-за новых индустриальных стран, растет. Тем не менее, хотя относительный рост экономики Китая велик, «золотой миллиард» (вместе с США) отнюдь не снижает свои аппетиты. Его («золотого миллиарда») потребности удовлетворяются в основном импортом. Сейчас Западная Европа импортирует около 300 млн. т., Япония примерно столько же.

Собственная добыча США – около 350 млн. т., а недостающее до миллиарда ввозится главным образом из Мексики и Канады. Импорт в США из стран Старого Света, то есть с Ближнего Востока и из Африки, также значителен – около 200 млн. т., из них продукция Персидского залива составляет примерно половину.

Так что пока из развитых стран почти полностью от Ближнего Востока зависит только Япония, но это только пока.

Итак, весь мир добывает и потребляет примерно 3 млрд. т в год – то есть, чуть больше 2 % от доказанных запасов.

На сколько лет хватит – при нынешнем потреблении – нефти из доказанных запасов? Посчитать легко– 40–50 лет, если не открывать новых месторождений.

Но мы же отметили: в разряд доказанных непрерывно переводятся новые месторождения, и их может быть до 200 млрд. т., а с различными «неудобьями» даже до 300! Значит, не все так плохо, не оскудели кладовые Плутона!

Однако тенденцию необходимо знать не хуже, чем текущее состояние. Об этом говорит мудрость малочисленных народов. Так какова же тенденция?

К сожалению, объем вновь разведанных месторождений уступает расходу. Получается арифметическая задачка про бассейн с двумя трубами. Струя, что выливается, в два с половиной раза больше вливающейся. Когда же опустеет бассейн? Получается, что исчерпание при сохранении современных темпов добычи и разведки все равно наступит, хотя и позднее – к 2070 г.

Мы легко относимся к вероятности отдаленных событий – когда-то и Солнце погаснет или взорвется – чего об этом думать? Но в данном случае время вполне осязаемо. Если у вас, уважаемый читатель, только что кто-то родился, дочка или внук, – то их внуки начнут жизнь в мире уже без нефти. Легко ли им будет?

Но, опять-таки, ситуация несколько сложнее, и грядущие

70 лет не будучи заповедником безмятежности.

Потому что не только текущее состояние трансформируется со временем. Меняются и тенденции. Объемы вновь открытых месторождений в мире падают, и эти самые 0,8 %, ежегодно добавляемые к доказанным запасам, даются все труднее. Донышко-то проглядывает уже.

Но прежде чем поговорить о том, как же будет развиваться процесс истощения, сделаем срез нынешней ситуации.

Из 140–150 млрд. т подтвержденных запасов, на которые может твердо рассчитывать человечество, в Западном полушарии находится незначительная часть. Здесь наиболее богата нефтью Венесуэла – около 8 млрд. т., затем Мексика – около 6 млрд. т. Основной мировой потребитель – США – обладает запасами в 3 млрд. т.

Больше там запасов мирового масштаба нет.

Но и в Старом Свете неравномерность в территориальном распределении велика. Основные запасы принадлежат Саудовской Аравии—25 % мировых – около 35 млрд. т. Еще примерно по 8—10 % (по 12–15 млрд. т) находятся в странах Персидского залива – Иране, Ираке, Кувейте и Объединенных Арабских Эмиратах, из ОАЭ наиболее богат эмират Абу-Даби.

Остальные запасы (англо-норвежские Северного моря, алжирские, индонезийские, Тропической Африки) не идут ни в какое сравнение с Персидским заливом. Только близкая к Европе Ливия со своими 4 млрд. т в мировом балансе до-

вольно заметна.

Одна из наиболее закрытых стран в области информации о нефтяных ресурсах – Россия. Официальных данных на эту тему не публикуется, а в последнее время они вообще отнесены к государственной тайне. Именно поэтому оценки очень разнообразны и колеблются от 4 % мировых (6 млрд. т) до 13 % (20 млрд. т).

Вообще-то ситуация странная. Мы, граждане России, не знаем, каковы источники благосостояния сырьевых экспортеров, за счет которых мы все живем. Да, именно так обстоит дело!

Питаемся мы наполовину импортными продуктами, носим импорт, ездим на импорте. Нет ни российских чайников, ни стиральных машин; отвертки и гаечные ключи импортные; фильмы, которые мы смотрим, – импортные; российские, правда, есть, но если бы их не было, разница была бы невелика. То есть они не плохи, одна беда – смотреть их нельзя. Хотя некоторым нашим режиссерам дают иногда премии на фестивалях, но назначение этих премий, по-моему – чтобы русские не научились хорошие фильмы снимать.

Значительная часть того, что мы считаем российским – в действительности импорт, полностью или частично. Модные костюмы или ботинки сделаны по иностранным лекалам, и значительная часть прибыли идет владельцам лекал; рецепты, технологии, иногда даже просто фирменные названия («бренды») забирают значительную часть выручки.

Круглогодичные свежие фрукты, черешня в мае, арбузы в июне – ничего из этого не выросло в России. В Турции, Западной Европе, даже в Чили и Южной Африке.

Так за что нам такое счастье? За что нас так любят молдаване, китайцы, среднеазиаты, немцы, итальянцы? Настолько, что везут нам плоды своей земли, своих рук, своего ума и таланта?

За газ и за нефть. Только за это нас любят. Еще за аммиак, карбамид, стальной прокат и лом цветных металлов. Никаких других оснований для всемирной любви не наблюдается, за последние десятилетия реформ российская экономика не научилась производить что-либо конкурентоспособное и достойное для мирового рынка.

Когда маститый экономический гуру ругает коммунистов за то, что они заставляли нас потреблять некачественные собственные товары – ему простительно. А нам-то, простым обывателям, непростительно забывать, что если что-то хочешь купить – ты должен что-то продать. И если на мировом рынке удастся продавать только нефть и газ, то что делать, когда они закончатся? Китаец умеет шить куртки и кроссовки – и это умение у него останется; японец делает фотоаппараты; американец снимает фильмы. А мы, вместо того, чтобы лучше делать то, что раньше умели, но плохо – теперь разучились делать вообще. Если наша военная промышленность получит военный госзаказ – она его, пожалуй, уже не выполнит, не соберет способных рабочих и инженеров. Их

уже нету.

Мы живем лучше Северной Кореи не потому, что у нас демократия, а у них коммунизм. Просто у нас есть нефть и газ, а у Северной Кореи нет – и все. Кончатся они – будем жить хуже северокорейцев.

Нефть и газ – основа нашего общественного строя. А сколько у нас этой основы – мы не знаем. Так 4 у нас процента от мировых запасов или 13? В первом случае (4 %) граждане России могут ни о чем не думать всего 10–12 лет, а во втором (13 %) – целых 40. В первом случае уже нам нужно думать, как жить без экспорта нефти, во втором же пусть думают следующие поколения. «Потомства не страшись, его ты не увидишь!» – как сказал великий русский поэт Дм. Хвостов.

Простите, а как же нам осуществлять конституционное право на выборах? Мы же должны знать, как собираются наши кандидаты использовать основной экономический ресурс страны – экспорт нефти, ведь главное это, а не их любовь к собакам или кошкам.

Если вы сочтете, что мои замечания чересчур нигилистичны – то извините, а что такого еще мы умеем делать для мирового рынка? Кроме нефти и газа? Даже детей – и то разучились... Поэтому нечего обижаться: ничего мы в мировом масштабе не делаем, гуляем себе и пиво пьем, и только благодаря газу и нефти. Ну так нужно хотя бы знать, сколько лет нам датчане, шведы и немцы будут пиво возить. И тур-

ки, «Эфес» – пиво турецкое. Они ведь не бесплатно его нам возят, а за нефтяные денежки.

Говорите, «Балтика» – отечественное и конкурентоспособное пиво? Может, и так. Правда, я не знаю, кто владелец «Балтики» – в Питере это известно точно, как и адреса, откуда везут туда солод и хмель. Думаю, не из России. То есть побеждает ли Россия в конкурентной борьбе на рынке пива – большой вопрос. Подозреваю, что энергия для пивоварения и холодильных установок обходится дешевле, чем в Европе, а в цене пива это существенная составляющая. Чем еще «Балтика» может взять? Вкусом? Ну, не хуже многих, конечно... но рынок этот серьезный и сильно конкурентен. У нас это выражается в стрельбе по менеджерам из карабинов; в Европе – в разорении многих немецких (!!!) пивоварен, работавших сотни лет и не выдержавших новых условий. Но, увы, не мы их разорили – а датчане, турки, шведы.

Не думаю, что за оставшиеся 10–40 лет пиво сможет заменить в российском торговом балансе нефть и газ. Даже если конкурентоспособное пиво будет поддержано конкурентоспособным йогуртом, который, по сообщениям прессы, от нас начали экспортировать. Вообще чудеса: две трети молока у нас импортные, из Европы; делать йогурт и везти обратно в Европу – откуда выгода? Или, может, он не из молока?

Короче: если доктор сказал «в морг» – значит, в морг. Наш товарообмен с внешним миром держится на нефти и газе. А сколько в России нефти – секрет.

Я по убеждениям демократ. Раз уж у народа есть право и возможность решать важнейшие государственные проблемы (опосредованно, мозгами своих лучших представителей), то нужно ими пользоваться. А, извините, принятие любого решения начинается с получения и усвоения информации. А тут самой главной-то информации и нет!

Но если какая-то информация дедуктивно, из известных данных, не выводится, полагается прибегать к «экспертному опросу». Расспрашивать разных людей, и, если они поняли вопрос («оказались в теме»), то существует ненулевая вероятность, что они где-то такие цифры слышали. Данный случай как раз из таких. Так вот экспертный опрос дал оценку: 7–8 млрд. т

Заметьте, что 7–8 млрд. т никак не составляют 13 % мировых запасов. Получается 5–8 %, никак не второе место в мире, хотя именно так зачастую говорят. Извините, это в лучшем случае шестое, если не седьмое, за Венесуэлой. А особенно неприятно, что иностранные оценки нефтяного потенциала России чаще всего близки к минимуму (4 %), и практика показывает, что их оценки наших дел нередко оправдываются.

После относительного пика добычи в 1990 г. (абсолютный пик был достигнут в конце 60-х) добыча в России несколько лет падала до уровня около 300 млн. т. А с 2001-го начался резкий и необъяснимый рост. Сейчас добыча в России приблизилась к советскому уровню, но это связано больше, на

мой взгляд, не с ростом потребления, а с расширением возможностей транспортировки нефти из страны.

Рост экономики России с 2001 г. происходил во многом благодаря строительству трубопроводов и портов для отгрузки нефти за рубеж. Тот же официальный источник сообщил о 40-летнем периоде добычи нефти в России вообще – предполагается, что прогнозные запасы (сколько вообще есть нефти в российских недрах) примерно соответствуют доказанным. Но даже если каким-то чудом они будут открыты (точнее, переведены из разряда прогнозных в доказанные), надеяться на освоение и обустройство новых месторождений без периода снижения добычи нельзя. Это очень дорогостоящее и трудное дело, расположена эта нефть, если она есть, «на Северах».

К сожалению, результаты геологоразведки каспийского шельфа в российском и азербайджанском секторах не подтвердили ожиданий оптимистов – обнаружены сотни миллионов тонн, но отнюдь не миллиарды.

Но, может быть, можно без нефти обойтись? Жили же наши деды?

В мире есть газ, уголь, атомная энергия; да и неистощимая термоядерная энергия может быть получена в любой момент.

К сожалению или к счастью, без нефти современная цивилизация приобретет совсем иной облик. Кстати, современная цивилизация – это синоним термина «цивилизация за-

падного типа». Справедливо это или нет, но мы считаем национальную цивилизацию тем более современной, чем больше она похожа на среднезападную, которая, в свою очередь, должна быть похожей на американскую.

Так вот именно нефть определяет лицо западной цивилизации. Это не просто треть потребляемой энергии, это лучшая, самая деликатесная треть. Вспомните, что было выставлено на витрину Запада, когда мы с ним находились в конфронтации? Автомобили, автострады, самолеты, коттеджи и изобилие продуктов (благодаря развитому сельскому хозяйству). Именно этим американцы и победили русскую интеллигенцию, после чего посыпалось и все остальное. Почти весь этот перечень полностью или в значительной степени зависит от нефти. Что еще есть на Западе такого привлекательного? Разве что Голливуд, в фильмах которого мы и могли увидеть автомобили, автострады, самолеты, коттеджи и изобилие продуктов.

Почему в США так много потребляют нефти?

Это автомобиль, без которого американец – как монгол без коня.

Это грузовой автомобиль, на котором базируется, наверное, лучшая в мире система розничной торговли.

Это тепло– и электроснабжение – там очень развиты автономные источники, энергогенераторы, в масштабе дома или небольшого комплекса, хотя и теплостанций на угле и газе тоже достаточно.

Это индустрия удобрений и сельскохозяйственная техника, без которых Америка не имела бы в руках «продовольственного оружия». Это водокачки – сельское хозяйство Америки в значительной степени поливное.

И это не только Америка или Япония, где нефть занимает в балансе даже 50 %.

Приходится ли Вам ждать автобуса на остановке? Чтобы скоротать время, попробуйте найти вокруг вещи и явления, имеющие отношение к нефти или без нее вообще невозможные.

Вот мимо шуршат шинами шикарные и не очень автомашины. Едут они на бензине или солярке (дизельном топливе), а это продукт переработки нефти. Их шины сделаны из синтетических каучуков и некоторых других веществ – а это нефтехимия. Ну и как же им существовать без нефти? И краска на автомобиле тоже имеет отношение к нефти, и множество пластмассовых деталей.

В небе след от пролетевшего самолета – его турбины работают на авиационном керосине, он производится тоже из нефти. Кстати, без разнообразных машинных масел и смазок современная техника не работает, причем даже обычный автомобиль требует 4–5 различных их сортов, а военный корабль – несколько десятков.

Посмотрим под ноги. Асфальт для дорог, в конце концов – тоже нефть. Современный асфальт – продукт нефтепереработки. Это смесь нефтепродукта (гудрона) с песком

и щебнем. А гудрон представляет собой смесь битума с известковым порошком. Битум получается из нефти после извлечения бензина, солярки и мазута. Не было бы нефти – производство асфальта было бы очень затруднительным. Не невозможным – битум есть и в других ископаемых, даже в торфе, но его мало. В качестве связующего можно использовать продукты переработки каменного угля (каменноугольный пек), но продукт будет хуже и дороже. То есть строительство дорог станет дороже, и кому-то машина уже окажется не по карману – следовательно, автомобилистов будет меньше. А чем меньше масштабы какого-то производства – тем единица продукции становится дороже.

Итак, исчезни нефть – и, в конце концов, новое дорожное строительство вряд ли будет возможным, да и поддержание в рабочем состоянии уже построенного затруднится.

Ремонт дорог – целая индустрия. По нормативу, в Московской области за зиму дорожное покрытие замерзает и оттаивает 40 раз. 40 раз вода, превращаясь в лед, расширяется и углубляет трещины. Сразу после исчезновения нефти всего в течение 5—10 лет асфальтовые дороги у нас станут совершенно непроезжими. Правда, если по ним будут продолжать ездить... В Америке дороги подолговечнее – но и только. Без ремонта они потрескаются и в Оклахоме.

А есть некоторые вещи, на первый взгляд не имеющие отношения к нефти. Дома, одежда на людях... Но все современные строительные материалы очень энергоемки в произ-

водстве, а ткани, используемые в легкой промышленности, являются продукцией органического синтеза либо высоко-механизированного сельского хозяйства.

Поэтому, когда закончится нефть – исчезнет и современная, часто называемая автомобильной цивилизация. Подобное эпохальное событие трудно даже вообразить, что свидетельствует об ограниченности нашего воображения, а не о невозможности или малой вероятности самого события. Автомобиль вовсе не правило, не закон природы, это не такой извечный спутник гомо сапиенса, как ячмень или собака. Он, скорее, исключение, и, при всех его положительных качествах, не обещает полного счастья для человечества. Подозреваю даже, хотя и не могу доказать, что можно быть счастливым и без автомобиля. Наши прадеды, возможно, видели автомобиль, но мало кто на нем ездил – а они прожили насыщенную и небезрадостную жизнь.

В структуре потребления энергоносителей нефть занимает очень важное место – она придает жизни «западное качество» – обеспечивая, в сравнении с твердым топливом большую экологичность, а по сравнению с газом, атомной и гидроэнергией – большую мобильность.

Жидкое топливо – самое удобное в перевозке и хранении, а удобное значит наиболее экономичное, заменить его трудно. Даже сжиженный газ менее удобен, а главное – его тоже не очень много, хватит даже на меньший срок, чем нефти.

И даже после приручения термояда наша «прозападная»

цивилизация не сохранит привычного нам облика. Проект трактора с термоядерным двигателем – это уж точно фантастика. Термояд даст только электричество, неудобное в мелкой расфасовке. В какое топливо для индивидуального транспорта можно преобразовать электричество?

С электромобилями что-то не очень получается. Что можно синтезировать химическое? В качестве источника энергии для автомобиля можно использовать лишь водород, получаемый электролизом, но водородная технология нуждается в серьезной доработке. Когда-то, до Первой мировой войны, германские инженеры мечтали об электротракторах. И мы их даже испытывали, электропружи числились в плане ГОЭЛРО – но это оказался тупиковый путь, трактора с ДВС оказались выгоднее.

Может быть, при наличии дешевой электроэнергии можно синтезировать из воды и воздуха углеводороды, тот же бензин? Никогда о таких технологиях не слышал. Может быть...

Конечно, дешевое электричество с термоядерных станций получить возможно. «Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе». Отодвигается мирный термояд, все в более и более сияющие дали. Не скоро и опытный реактор построят, если построят вообще.

С другой стороны, потребление нефти имеет двоякий характер. Помимо прочего, нефть – не только топливо, еще и оргсинтез: часть ее расходуется не на выработку энергии, а в

качестве сырья в производстве различных продуктов, вплоть до кормовой белковой массы. Но это экзотика, а вот лакокраски, синтетические волокна, современные строительные и конструкционные материалы – суть результат оргсинтеза.

Интересно, что, в сравнении производства в позднем СССР и США, по многим статьям, не только по ядерным бомбам, был достигнут паритет. А в отраслях, базирующихся на оргсинтезе, разница была разительной. По синтетическим волокнам, по пластмассам – количественно в десятки раз в пользу Америки, и настолько же качественно!

И вот именно эти, прогрессивные отрасли, то, что отличало западный образ жизни от советского – попадает под удар дефицита нефти. То есть итогом становится, если можно так выразиться, качество жизни.

Но и количество тоже. Вот на поле грохочет трактор. Работает он на солярке. Современное сельское хозяйство – это во многом преобразование минеральных калорий в пищевые. В некоторых странах – уж точно, причем именно в странах с развитым, по современным понятиям, сельским хозяйством.

Предмет зависти многих народов и мощное орудие американской политики сельское хозяйство – во многом зависит от топлива. Именно поэтому работает многочисленная и совершенная техника, а также действуют системы полива. Подсчитано, что для получения одной пищевой калории современное сельское хозяйство западного типа тратит до

десяти минеральных калорий. Точнее, так: энергетическая ценность пищи одной американской души – 3,6 ГДж в год, причем на ее производство затрачивается в США 35 ГДж разнообразной энергии, в основном минерального топлива; и это не считая 80 ГДж солнечной энергии, используемой при фотосинтезе пищевыми растениями. (стр. 236, т. 1, Кондратьев и др.). Не удивляйтесь, куда девается основная часть этих 80 «солнечных» ГДж, если не в еду? В действительности примерное соотношение между пищевой и прочей биомассой именно таково. При производстве хлебных злаков основные калории (более 90 %) остаются в соломе и прочей шелухе, и русский крестьянин умел ее использовать в качестве корма, иначе крестьянское хозяйство в России не существовало бы.

Правда, по-моему, трудно считать развитым и просто хорошим сельское хозяйство, существующее всего несколько лет благодаря накопленным за миллионы лет питательным веществам. А дальше-то что?

На многих территориях и в США, и в России сельское хозяйство без дизельного топлива просто невозможно. Минеральное топливо не только повысило продуктивность земледелия, оно раздвинуло его границы на макроуровне, принесло его в обширные регионы, где оно невозможно без техники, работающей на солярке. На микроуровне оно позволяет возделывать ранее неиспользуемые участки земли в давно обжитых местностях. И это касается не только таких разви-

тых стран – на Алтае, в одном из отдаленных обширных районов, пришлось услышать в качестве анекдота следующую историю. В войну случилось там ДТП. Соль этого события в том, что на весь район оставалось только две автомашины – вездеход секретаря райкома и бензовоз, остальные были мобилизованы. Вот эти транспортные средства дорогу и не поделили. Но кроме курьезности события, хорошо описывающего нравы отечественных водителей, для нас важно упоминание приоритетов того времени. Если подумать: как были нужны на фронте бензовозы и водители! Но без немногочисленных тогда тракторов и комбайнов было бы меньше хлеба, без которого на фронте еще хуже, чем без бензовозов. Так что давненько уже даже наше сельское хозяйство «село на нефтяную иглу» аж в 40-е годы.

Чем колхозы до войны были привлекательны для крестьян и почему они повысили продуктивность земледелия? Земля-то оставалась той же, что и у единоличника. Просто часть работы можно было переложить на плечи машин, колхозам выделялась земля, пригодная для машинной обработки (это, кстати, и побуждало крестьян вступать в колхоз). Крестьяне, если была земля, просто не успевали ее обработать. И сроки короткие, и при низкой урожайности нужно было много площадей вспахать.

Убери из села технику – и потребуется в несколько раз увеличить его население. Как?

Чем можно заменить топливо из нефти? Часто можно

слышать, что другие виды топлива удобнее, экологически чище, и даже чуть ли не экономически выгоднее.

Как говорится в известном анекдоте про диспут между учеными и армейским старшиной: «если вы такие умные, то почему строим не ходите?». Если другие виды топлива лучше, то почему до сих пор потребляется столько нефти? Да потому что нефть лучше. Действительно, жидкое топливо универсальнее твердого и газообразного. Оно легко дозируется, легко подается в топку, достаточно удобно грузится, перевозится и хранится. Оно энергетично: как мы помним из школьной программы, вода в 800 раз плотнее воздуха; аналогично, топливо из нефти примерно (приблизительно) в тысячу раз плотнее газообразного при нормальном давлении. Так что, либо делай емкости и трубопроводы очень большими, либо сжижай и сжимай газ – все это хлопоты и затраты. Как, например, собирать газ с изолированных вышек в океане, если нет трубопровода? Нефть можно собирать в емкости и сливать в подходящие танкеры, с газом хлопот больше.

Самолеты на сжиженном природном газе в экспериментальном варианте существуют. И автомобили тоже. Но! Топливные баки органично вписаны в конструкцию самолета, и разработку самолетов под газовое топливо придется проводить заново. Газ требует герметичных баков, рассчитанных на высокое давление, в баночку его не перельешь. Если встал на трассе без топлива – без буксира до заправки не доедешь.

Свои «Жигули» я не перевел на газ – баллон в багажнике мне не нужен.

Разработана опытная конструкция вертолета на газу – но мало того, что баллоны там на внешней подвеске, вертолет еще и оснащен системой предупреждения о превышении допустимой концентрации газа в салоне. По понятным причинам.

Короче говоря, жидкое топливо удобнее. Это понимаем и мы, представители высокоразвитой технологически цивилизации, понимают это и люди, находящиеся на другом краю цивилизации.

Перечитайте «Белую гвардию» Булгакова – чего хотели в Гражданскую крестьяне от города? Во-первых, чтобы горожане не тянули руки к крестьянскому хлебу – «хлебушек наш, никому не дадим» – а во-вторых – чтобы из города привозили «гас» – керосин. Не очень-то здорово жить при лучине, не такое это удобное средство освещения, да и пожароопасное.

Мои сослуживцы, вспоминая афганскую войну, рассказывали: стоит бронеколонне войти в деревню – со всех сторон бегут жители с жестянками, прося отлить из баков БМП немного солярки. Даже там, где вязанка соломы уже значительная ценность, знают и умеют использовать жидкое топливо.

Когда в Армении разразился жесточайший энергетический кризис (газ отключили блокадой, а по требованию «эко-

логов» остановили атомную станцию), местные жители, вырубив на дрова все парки и скверы, развернули производство кустарных печек и светильников – главным образом на солярке. В основном азербайджанской – блокада блокадой, а бизнес бизнесом.

Пушкин предъявлял в свое время претензии к развитию науки и обещал поверить в ее прогресс, только когда она изобретет свечи с фитилями без нагара – необходимость постоянно снимать его специальными щипцами нарушала вдохновение. Наука далеко превзошла самые смелые мечты Пушкина – правда, на поэтической квалификации современных поэтов это в лучшую сторону не отразилось. Но вот заменить «земляное масло» наука пока не может.

«Нефтяной Интернационал»

Добыча нефти ведется в мире неравномерно. В зависимости от близости к потребителю, дешевизны способа добычи, а также политики собственников одни месторождения эксплуатируются интенсивнее других. Так, весьма активно разрабатываются нефтегазовые месторождения Северного моря и Северной Африки, наиболее близкие к потребителям в Западной Европе.

По доступным данным, нефтяная промышленность США уже давно вступила в период истощения существующих ресурсов. В регионах, находящихся в США или где-то рядом, перспективы нефтеразведки не блестящи – все уже обследовано, американская геология хорошо поработала на своей территории. Пик открытий пришелся на 30-е—40-е гг. Нет никаких шансов обеспечивать в ближайшие годы хотя бы восполнение запасов. Такая же, если не хуже, ситуация в Западной Европе, только в Северном море, в норвежском секторе, остались некоторые шансы на открытие новых крупных месторождений.

Россия занимает в современном экспорте нефти позиции, существенно превышающие ее положение в рейтинге запасов, а именно – первое. В то же время страны ОПЕК экспортируют относительно своих ресурсов (76 %) меньше, занимая в мировом экспорте лишь около 45 %. Зато по отноше-

нию к остальному миру в странах ОПЕК успешнее восполняется ресурсная база – если во всем мире к доказанным ресурсам добавляется ежегодно 0,7–0,8 %, то в странах ОПЕК более 1 %.

Считается, что уровень добычи становится неустойчивым и обнаруживает тенденцию к падению при снижении ККЗ до 5. Такая ситуация возникает по двум причинам: либо территория богата, но плохо разведана – тогда для повышения ККЗ нужно просто побольше вложить в геологоразведку, и положение поправится – либо запасы разведаны и «проедены». Похоже, что ситуация на англо-норвежских месторождениях Северного моря близка на сегодняшний день ко второму варианту...

Вот в этом-то и заключен трагизм ситуации – в странах – основных потребителях надежд на открытия крупных месторождений нет – ни в Европе, ни в Японии, ни в США.

Следовательно, уже в ближайшей перспективе значительная часть наиболее доступных для развитых стран запасов будет выработана, и доля стран ОПЕК (читай – Персидского залива) в общемировых запасах существенно вырастет. Зависимость от поставок из этого региона увеличится и для Западной Европы, и для США, которые пока снабжаются в основном из других источников.

Такой прогноз получается при учете трех параметров: нынешние запасы, нынешняя добыча и нынешний темп восполнения. Причем даже без учета того, что новые месторожде-

ния даются все труднее и дороже, и их все меньше.

К 20-му году и Европе придется переориентироваться на более далеких поставщиков и другие виды топлива. А к 30-му более 90 % мировых запасов окажутся у «большой пятерки» стран Персидского залива, да еще у Венесуэлы и Ливии.

Что будет, когда добыча нефти в США и Канаде резко упадет? Произойдет ли пропорциональное сокращение потребления в США или дефицит восполнится поставками из других источников? Вероятнее второе: под воздействием повышенного спроса (и значит, теоретически, высоких цен) произойдет рост добычи в других странах-поставщиках, работающих на американский рынок.

Но все эти поставщики находятся в неравных условиях. Мексика входит в НАФТА – североамериканскую зону свободной торговли. Правительство этой страны не имеет права вмешиваться в работу нефтяных компаний, действующих на мексиканской территории, и Мексика – не член ОПЕК. То есть нефть Мексики... она, конечно, мексиканская... но не вся и не совсем.

Вы думаете, слоган «перестройке нет альтернативы» – российское изобретение? Господь с вами. Это рабский перевод английского выражения «Transformation is not alternative», настолько известного во всем мире и даже тривиального, что его пишут просто аббревиатурой – TINA. Вы думаете, что это России только так не повезло, вследствие какой-то нашей особой сиволапости и т. д.? Да нет, утешь-

тесь и не комплексуйте, мы плывем вместе со всеми, в едином всемирно-историческом процессе.

В Мексике в рамках этой ТИНЫ, в 1990-е годы, произошла такая история. Там пришел к власти президент Карлос Салинас де Гортари и начал радикальную экономико-политическую реформу, прозванную на Западе «салинастройкой». Приватизация, отмена квот и тарифов, то есть отмена экономической самозащиты, и так далее. Нужно ли говорить, что все это происходило в строгом соответствии с рецептами МВФ? Салинас некоторое время получал все приличествующие и важные для политиков такого ранга и типа знаки внимания («человек года»; портреты на обложках экономических журналов...), по окончании срока правления он планировался на пост президента ВТО (Всемирной Торговой Организации). А в конце 1994-го грянул кризис. Бегство капитала, девальвация песо... США и МВФ собрали срочный пакет помощи в 52 млрд. долларов – даже с нарушением устава МВФ, только чтобы предотвратить полную катастрофу, но все равно мексиканцы потеряли треть жизненного уровня.

Всего через год после пика славы Салинас был уже не президент, а изгнанник, находящийся в международном розыске, а среди выдвинутых против него обвинений была служебная некомпетентность (в Мексике это считается преступлением – дикие люди!). Но к нашему повествованию имеет отношение следующее: до кризиса госсектор Мексики не имел

крупных долгов, а после кризиса прибыль от продажи нефти стала перечисляться на счет в Федеральном резервном банке в Нью-Йорке, контролируемом Соединенными Штатами. По сути, Мексика потеряла контроль над собственной экономикой – и своей нефтью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.